

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ БЛАГОДАТЬ

рассказ

Роман Григорьевич, научный сотрудник института генетики, был странным человеком. Хотя никто из окружающих об этом и подумать не мог. Худой, высокий, с узким лицом, маленькой головой, на которую свободно помещалась шапка 54-го размера. В общении он был весел и сыпал шутками, словно дымовой завесой отгораживаясь ими от реального мира. В работе был хорошим исследователем, успешно выполнял задания по теме «Перспективные модели сортов картофеля в Западной Сибири и генетические модели их реализации». Выводил неторопливо сорта, в основном скороспелые, так необходимые для короткого лета в Сибири, писал статьи, отчёты, акты выполненных работ, защитил кандидатскую диссертацию. Всё делал, как большинство учёных нашей страны. А был он странным в любви к кладбищам. Нет, не подумайте, что он любил ходить на похороны, провожать людей в последний путь, сидеть на поминках, просто его тянуло одного ходить по кладбищам...

Он с неохотой посещал огромные городские кладбища, но любил гулять по небольшим, уютным, ухоженным, и мечтал побывать на всемирно известных. Мало было специалистов, которые были бы равны ему в знании этих мест. Роман Григорьевич Землянов ездил в разные города страны в научные командировки, и каждый раз ставил своей целью посещение мест последнего приюта людей. Он не мог объяснить эту тягу. Может, это началось тогда, когда он из Норильска приехал учиться в город Т. и как-то случайно зашёл на ближайшее кладбище, когда гулял по окрестному лесу в августе. В ограде одной могилки он увидел много рясной малины, крупной, сочной, которой не было на Крайнем Севере. Попробовал одну ягодку, а потом стал есть горстями, пока малина не закончилась и ему стало плохо: голова пошла кругом, тошнота и прочие недомогания.

Он опустился на землю и увидел, что надпись на надгробье стёрлась. Роман тупо смотрел на памятник и думал, за что его так наказывает Творец? Но, оглядевшись вокруг, словно ища глазами Боженьку, поразился тому обстоятельству, что вокруг больше нигде не было столько малины, как в той оградке. Он стал прибирать холмик могилки, очистил от травы, потом выдрал сорняки в самой ограде, а потом стал очищать надпись, смочив носовой платок водой и посыпав его песком. И только тогда смог прочитать, что покоится здесь Роман Григорьевич, и годы жизни – 1906–1966. Фамилию так и не разобрал, но совпадение его собственного имени и отчества посчитал знаком. Каким и для чего, не понял. Ещё долго сидел возле могилки и размышлял, кем же был этот человек...

Потом встал, обошёл вокруг другие захоронения, но такой малины нигде не нашёл, остановившись на мысли, что Роман Григорьевич, наверное, был хорошим человеком, коли столько малины растёт только у него. И потом, пока кладбище не снесли, он каждый год ходил и ухаживал за этой могилой, но малину больше не ел...

После этого он побывал на всех погостах города, но на больших кладбищах чувствовал себя как в коммунальной квартире, когда личного пространства почти не существует, и ты находишься в прицеле множества глаз, слёз и мыслей. Потом стал посещать деревенские, поселковые захоронения, там ему нравилось больше: могилы располагались среди больших деревьев, где мало народа и вкусный воздух, и пели красивые песни птички. Он останавливался у заброшенных могил и вычищал старую траву, поправлял кресты, оградки, в общем, что-то пытался сделать для уюта покоящихся уже вечно.

Эта странность Романа стоила ему первого брака, который рассыпался и исчез, как пепел в земле. Он женился рано на молодой аспирантке Верочке, красивой брюнетке, на которую засматривались все мужчины. Как она умела ходить, нет, она не шла, она плыла медленно, словно пава, с томным взором, переставляя стройные ножки и покачивая бёдрами! И неудивительно, что Роман втюрился сразу, и любовь, подкреплённая мощным тестостероном, дала плоды.

Перед этим он заработал приличные деньги в стройотряде – целую тысячу рублей! По тем временам большая сумма, и повёз Верочку в Ленинград. Здесь он решил посетить Пискарёвское кладбище, Александро-Печерскую лавру, съездить в Комарово и на Волковское. Но началось всё с неприятностей. Они поселились в квартире ветерана войны, которому было почти восемьдесят лет. Их привела туда женщина, встретившая молодых возле гостиницы, где не оказалось мест, и они пошли с ней на квартиру. Отдали ветерану деньги за десять дней вперёд, а сами пошли гулять по городу. В первый день Роман уговорил Верочку съездить на Пискарёвку. Но с ней он не смог прочувствовать трагедию здешних обитателей, Верочка спешила, не давала ему раствориться хотя бы на время среди тех сотен тысяч душ, что покоились здесь... Ещё успели прогуляться по Невскому проспекту и вернулись домой.

В квартире, на кухне, хозяин пил водку. Он кричал, продолжая воевать с фашистами. Они хотели шмыгнуть в свою комнату, но их остановила тирада отборного мата. Похоже, он их принял за фашистов. Верочка что-то возразила, но только усугубила положение: угрозы, оскорбления продолжались всю ночь. Роман не знал, что делать. Остановить хозяина он не мог, хотя пытался уговаривать, но тот только сильнее распалялся. Чего только они не наслушались! Но поднять руку на ветерана войны он не мог, а куда идти ночью, да ещё с чемоданом? Так и провели ночь, только утром ушли. Верочка сердилась, почти кричала: какой ты мужик, тряпка, не смог успокоить старика?!

А Роман, и правда, не мог, с детства боготворил фронтовиков, поэтому мол-

чал и хотел одного – уйти на какое-нибудь укромное тихое кладбище. И они в этот день разделились, Верочка рванула в Эрмитаж, а он поехал в Комарово, и там, возле могилы Анны Ахматовой, среди высоких сосен, успокаивал свою душу. И слышались ему слова поэтессы:

*Так отлетают тёмные души...
– Я буду бредить, а ты не слушай.
Зашёл ты нечаянно, ненароком –
Ты никаким ведь не связан сроком,
Побудь же со мною теперь подольше.
Помнишь, мы были с тобою в Польше?
Первое утро в Варшаве... Кто ты?
Ты уж другой или третий? – «Сотый!»
– А голос совсем такой, как прежде.
Знаешь, я годы жила в надежде,
Что ты вернёшься, и вот – не рада.
Мне ничего на земле не надо...*

Он вспоминал стихи одинокой души, стараясь прочувствовать самые главные, бередящие душу слова.

Вечером супруги молчали, чему Роман был даже рад. Утром они разъехались по разным местам: она в Петергоф, а он поехал в Александро-Печерскую лавру.

Роман сначала ходил по самому старому кладбищу – Лазаревскому, разрешение на строительство которого давал лично Пётр I. Красивые мощные некрополи подчёркивали значимость покоящихся здесь людей. И действительно, имена впечатляли: архитекторы Росси, Кваренги, учёные Ломоносов, Эйлер. Потом посетил Тихвинское кладбище, где обрели последний приют Михаил Иванович Глинка, Фёдор Михайлович Достоевский, Архип Иванович Куинджи. Он прикасался к холодным плитам и вспоминал каждого из этих великих людей, разговаривал, спорил с Достоевским, видел солнечные картины Куинджи или шикарные жёлтые здания архитектора Росси. Зашёл на Казачье кладбище, названное в честь погибших казаков, разгонявших в 1917 году демонстрантов, на котором впоследствии стали хоронить и деятелей советского периода, в частности, подавлявших Кронштадтский мятеж, именно поэтому кладбище ещё называли Коммунистическим. Вот так враги при жизни после кончины покоились в одном месте, рядышком с друг другом, мирно и спокойно...

С Верочкой они разошлись вовсе вскоре по приезде в свой город.

Больше он не решался на женитьбу.

Зато нашёл маму. Вырос Роман в детдоме, и всю жизнь искал её. Он уже давно знал, что она где-то есть, но из-за смены фамилии и места жительства ему не удавалось найти свою женщину. И вот в 42 года он нашёл её – маленькую сухонькую старушку. Он пришёл к ней домой. Она сначала долго не открывала, не понимая, кто он и зачем пришёл. Роман был с цветами, конфета-

ми, тортом и шампанским. Она стояла перед ним, маленькая, как старенькая Дюймовочка, и рассматривала незнакомого мужчину. «Я Рома, ваш... сын...» – медленно проговорил он. Немая сцена длилась недолго, она признала его: «Ромочка, ты?!». И шагнула вперёд, протянув руки, потом остановилась, разглядывая родимое пятно с левой стороны виска, потом обняла и заплакала. Роман тоже плакал, он обрёл семью. Они стояли, обнявшись, и плакали, словно мать провожала сына на войну.

Потом сидели за столом, пили шампанское, чай. Мама успокоилась быстрее сына, рассказала ту давнюю историю, когда потеряла мужа, дом сгорел, и, так как она не работала, то пришлось сдать обоих детей в приют. Так Роман узнал, что у него ещё есть старший брат Анатолий. Но мама не знала, где брат. Он всё время хотел задать ей вопрос: почему она не искала их, или искала, но просто не могла найти?

Но язык не повернулся. Он стал ходить к ней по праздникам, поздравляя, подкидывал денюжат, но материнской близости и любви не ощущал. Его мама была окружена подругами, писала стихи о природе, в них не было трагедии, много читала, а его жизнью особо не интересовалась.

Материнскую любовь он чувствовал только от воспитательницы детдома Фёклы Ивановны: от взглядов, слов, поглаживаний по голове до конфет, которые она клала ему под подушку. Не имея своих детей, она любила его, самого худенького и маленького, и не давала в обиду сверстникам, за что детдомовцы дали ему кличку «маменькин сынок», хотя со временем он научился за себя постоять.

Но он искал свою маму...

Хотя в отличие от многих детдомовцев ему повезло больше.

Фёкла Ивановна, когда Роману исполнилось 15 лет, нашла приёмных родителей, работников Норильского ГОКа. И хотя особой любви от них он не испытал, всё же они дали ему путёвку в новую жизнь, отправив учиться в институт уже через пару лет.

А через год случилась трагедия – приёмные родители погибли в автомобильной аварии... Он сидел на кладбище возле их могил и не мог понять, почему у него всё время отнимают близких людей.

...Прошло немало времени с тех пор, Роман продолжал посещать кладбища. После Московской олимпиады приехал на Ваганьковское к Владимиру Семёновичу Высоцкому, отстояв приличную очередь, ощущая великую любовь народа к великому поэту и артисту. А стоя у памятника, вспомнил почему-то песенку другого автора, актёра Михаила Ножкина:

*А на кладбище всё спокойненько,
Ни врагов, ни друзей не видать.
Всё культурненько, всё пристойненько,
Исключительная благодать....*

Роман, так и не получив душевной теплоты от родной матери, стал искать

брата, как будто хотел найти частичку семейного счастья. Брата нашёл, но... в тюрьме. Он встретился с Анатолием. Тот оказался очень похожим на него, только у того было много морщин, жёсткий взгляд и синева наколок на кистях рук. У Анатолия это была уже третья ходка, за неумышленное убийство, первые две – за грабежи.

Роман не удивился, многие воспитанники детских домов попадали в места не столь отдалённые. С бывшими воспитанниками иногда встречался, помогал немного, но ни с кем не водил дружбу, знал, что себе дороже. «Лучше отгородиться, как оградкой могила от могилы», – твёрдо укоренилось в нём это мрачное правило.

Анатолий не высказал ни радости, ни каких других эмоций, но попросил братана принести ему чай, курево и сало. А когда узнал, что жива мать, то обозвал её курвой. Расстались прохладно, Роман же стал думать о том, что может, зря он затеял эти поиски. Но передачи стал приносить брату регулярно, как будто ходил на могилу к человеку, которого никто не любил при жизни и который сам никого никогда не любил ...

Однако сказались то ли общие корни, то ли усталость одинокой души, то ли привык, но со временем уже стал носить передачи почти с удовольствием. А вскоре в стране началась перестройка, быстро и резко перешедшая в переделку всего, что было со знаком плюс, на минус. Появилась безграничная свобода, которая долетела и до Анатолия.

И брат появился в квартире Романа – в большой трёхкомнатной, которую он обменял за жильё в Норильске после смерти приёмных родителей. И с братом ворвалась другая, шумная жизнь. Паханы, девки, попойки и деньги – брательник с дружками «работали» рэкетирами.

Роман пытался говорить с Анатолием, но того несла жизнь в другую сторону. Надо сказать, что и в жизни Романа произошли изменения. В институте сорта картофеля уже никого не интересовали, денег не платили, давали в основном подачки, половину помещений заняли коммерсанты, и теперь Анатолий кормил Романа.

Но Роман понимал, что эта «малина» долго продолжаться не может, тем более, уже и милиция стала наведываться к нему в квартиру. И вот однажды поздно вечером они крупно поспорили, Роман пригрозил Анатолию выселением. Тот был пьян и ударил брата, а Роман ответил, сказавшись детдомовская привычка. Они дрались молча, остервенело, потом боролись, в итоге Роман чуть не свернул брату шею. Тот уже хрипел, когда Роман расцепил руки...

Анатолий долго сидел на полу, потом встал, подал руку брату: «Мир... Не ожидал от тебя такой прыти». Роман молчал. Они сели за стол, выпили с подачи Анатолия за дружбу, а потом долго, почти до пяти утра разговаривали. Роман уговаривал брата начать какое-нибудь дело, доказывая, что рэкет недолговечен и опасен, рано или поздно всё закончится плохо. Анатолий согла-

шался, но что делать, не знал. В своём сегодняшнем деле он дока: всё налажено, и деньги текут ручьями. Роману пришла в голову интересная мысль, и он предложил организовать фирму по изготовлению надгробных памятников, вспомнив роман Ремарка: люди же умирают всегда, и несмотря на разруху их всё равно будут хоронить. Анатолий заинтересовался, а вскоре начал действовать. Через неделю выкупил небольшое здание, утряс организационные вопросы, а Роман договорился с фирмой из Хакасии насчёт поставок мрамора. Так возникла фирма «Белый ангел». А через год на ней уже изготавливали и памятники, и цветы, и венки, она стала довольно известной на рынке похоронных услуг. А когда Роман предложил оказывать услуги по организации похорон, дела пошли совсем хорошо.

Анатолия через два года было не узнать: в шикарном финском костюме, на «БМВ», переехал жить в свой дом. И с тех пор братья почти не ссорились. Роман стал главным консультантом брата со своей долей в бизнесе. Он уговорил брата съездить к матери. И вот они уже втроём, семьёй, сидели за столом. Маме Анатолий привёз большой телевизор в подарок, но за столом сидел молча, наверное, вспоминал свои годы в детдоме. Со временем он оттаял, и братья вместе стали навещать свою матушку.

У Романа появились приличные деньги, и он поехал за мечтой: «Увидеть Париж и умереть!». Как культовый певец Моррисон, который скончался в Париже на гастролях и был похоронен на Восточном кладбище. Нет, это было не кладбище в нашем понимании, это целый город, возникший в 1804 году, где усыпальницы, как хорошие коттеджи, усыпаны скульптурами – настоящими произведениями искусства! За день он смог посмотреть лишь маленькую толпу могил, но зато каких знаменитостей!

Свежие цветы постоянно украшают могилу Фредерика Шопена – композитора, написавшего «Похоронный марш», под звуки которого было погребено большинство людей на этом кладбище, да и сам автор.

Оноре де Бальзак описал это кладбище в последней части своего романа «Отец Горио». Последнее пристанище писателя тоже здесь. Здесь же похоронены Жорж Бизе, Амедео Модильяни, Эдит Пиаф, Сара Бернар, Айседора Дункан, Оскар Уайльд, даже нищий Нестор Махно. Роман долго стоял возле памятника русским солдатам, участникам движения Сопротивления во время Второй Мировой войны. Потом перешёл к мемориалу казнённых в 1871 году коммунаров, и случайно увидел могилу Адольфа Тьера, который отдал приказ об их расстреле. Палачи и жертвы тоже лежали рядом, как и на нашем Казачьем. Вот судьба и её ирония, отметил с усмешкой Роман.

Потом была поездка на русское кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Некрополь расположен в 30 км от города, и ему пришлось ехать на такси. На кладбище совсем не было народа. Первым делом он нашёл памятник Ивану Бунину. Рядом с оградкой висел ящичек для пожертвований. Роман бросил туда сотню евро. Вокруг росли большие тёмные деревья, а на могиле лежали увядшие цветы. Он убрал их и положил автору цикла рассказов «Тёмные аллеи» четыре

красные розы. «Как хотел умерший получить Нобелевскую премию за стихи, а ему дали за прозу», – пожалел писателя и поэта Роман.

Внезапно подул сильный ветер и закапал мелкий дождь. Он почувствовал какое-то беспокойство, словно писатель что-то хотел сообщить ему. Огляделся, и увидел женщину в фирменной одежде. Она подошла к могиле и стала очищать её от травы. Потом перекопала землю и посадила цветы. Он подумал, что женщина пришла к родному человеку, но она вскоре стала убирать другую могилу, потом перешла к третьей. И здесь Романа посетила мысль: здесь есть фирмы, которые ухаживают за могилами, а почему бы и нам не организовать такую же, и по заявкам родных обихаживать могилы умерших? Неужели это хотел сказать дух Бунина? «Надо Анатолию сказать об этом, нужное дело», – заключил Роман и быстро двинулся к памятникам белых офицеров и генералов. Их было множество, целый квартал. У многих судьба оказалась трагичной, а памятники стояли красивые и величественные, отдельные и мемориальные. Дождь стих внезапно, как и начался. Он смотрел на целый городок белогвардейцев, тоже русских людей, покоящихся на чужбине, и прочувствовал всем сердцем трагизм их судеб. Ему казалось, что вокруг витали души и просили забрать их на родину – в Россию. Новый порыв ветра принёс влагу, и та стала стекать со лба Романа тонкими струями на лицо, словно омывая его слезами усопших.

На выходе, около ворот кладбища, в киоске он купил открытку 1900 года с видом Эйфелевой башни – на память о посещении русского кладбища. Весь продрогший, сибиряк, сняв плащ, сел в такси и молча слушал водителя, бывшего полковника Советской Армии из Украины, о его хорошей жизни во Франции. А в голове роились мысли: почему так случилось, что Бунин и белогвардейцы, вынужденно покинув родину, безмерно тосковали по России, а сегодня многие уезжают из неё и ничуть не сожалеют от этом? Неужели всё дело в материальном достатке? Неужели тоска тех эмигрантов была обусловлена их хорошей жизнью при царской власти? Неужели нам, сегодняшним россиянам, неподвластно сделать жизнь в своей стране благополучной для всех, ну, по крайней мере, обеспечить достойное существование? Неужели мы будем надеяться на нашу власть, а каждый себя не спросит: а что я сделал для счастья, хотя бы своего? Но и власть свою спросить, когда же государственная система станет справедливой для всех? И где эта справедливость, и существует ли она?

Мысли крутились в вихре танца, одна сменяя другую, противоречивые и неожиданные, как сама жизнь на родине. Достал открытку, и на обратной стороне прочёл надпись на русском языке: «С Рождеством Христовым! Счастья и благословения! Ждём домой! Скучаем. Сазоновы». И адрес: Санкт-Петербург, Литейный проспект, 31, кв. 56. Вот это да! Интересно, кто же и кому это писал? Он перебил таксиста, поинтересовался, откуда эти открытки. Водитель пояснил, что часто после смерти человека его письма, открытки, фотографии отдают продавцам киосков при кладбищах, а они за один евро продают жела-

ющим. Кто-то ищет старые фотографии зданий, улиц, кто-то узнаёт друзей, даже родных и покупает. Дождь прекратился. Роман ещё сходил к могиле Нуриева, самой оригинальной из всех. Его могилу покрывала не плита, а ковёр, яркий и неправильной формы, будто в движении танца.

Вернувшись из Парижа, он позвонил Анатолию и поделился своей идеей о предоставлении услуг по поддержанию в порядке могил. Тот воспринял её хорошо. Когда Роман сидел возле могилы Мопассана, то задумался о наследственности. Почему Мопассан стал писателем, а он нет? Как влияют гены родителей, бабушек и дедушек на способности ребёнка? Вдруг есть особый механизм передачи способностей? Если бы знать, кто из предков и как передаёт свои гены, то можно было уже ребёнку указать направление, пусть даже не одно? А если гены предков участвуют и закладывают в детях определённые способности, то надо бы узнать свою родословную. Он посетил могилу великого русского шахматиста Александра Алёхина и, сидя возле неё, задумался о передаче наследственности. С этими мыслями Роман возвращался домой.

Вскоре братья открыли ещё одну фирму – по уходу за могилами. Клиентов оказалось много, очень много, особенно из тех, кто эмигрировал за рубеж. Клиентам Анатолий посылал фотографии, подтверждающие выполненные услуги. А Роман по приезде засел в архиве Сибири и Дальнего Востока. И нашёл там информацию даже о своих дедах и бабушках! Поразился, что один из дедов по маминой линии по имени Анатолий в Тамбовской губернии держал гранильную лавку по изготовлению памятников! С этим он примчался к брату. Сбиваясь, рассказывал о наследственности, об истории близких, показывал тому архивные материалы, а когда выговорился, замолчал.

– Да, дела, – произнёс Анатолий, – по-твоему, во мне гены гробовщика, и они были уже заложены при рождении, а я не знал?

– Ну да, откуда мы можем знать. Мы тыкаемся, пробуем, и счастлив тот, кто находит своё истинное призвание, генетически заложенное.

– Нет, брат, я уже строить дома собрался, а мне, выходит, нельзя?

– Строить-то можно, наши предки тоже наверняка строили себе дома. А вот почему я в генетики попал, непонятно, – ведь не было тогда такой науки? Но что-то в этом есть. У меня возникла мысль: мы с тобой не знаем, где покоятся наши предки, но мы можем с тобой как-то их увековечить?

– Ты что, предлагаешь памятник поставить без тел?

– Есть мысль поставить памятник Семье. Представляешь: два дедушки, две бабушки, родители и один ребёнок!

– Ты, что ли?

– Да какая разница. Пусть будешь ты, тем более ты старший. Ты посчитай, сколько родственников должно быть в этой скульптуре?

– Семеро, – сказал Анатолий.

– Не семеро, а Семь Я, то есть шесть любящих, самых близких тебе людей, и ты – седьмой, основа общества! Давай с тобой в городе поставим памятник Семье вместо Ленина, а? Получится, своим дедушкам и бабушкам поставим!

– Так это ведь больших денег стоит?

- Да бог с ними, с деньгами, давай забабашаем!
- Может, поставить церковь, отмолить мои грехи?
- Думаю, Боженька будет не против памятника тем, кто дал нам жизнь.

Долго спорили братья, и в итоге через год памятник, единственный в стране, появился в их городе прямо на площади Ленина! И всегда возле него лежали живые цветы. Даже молодожёны стали приезжать сюда, часто люди просто, без повода приносили сюда букеты. Роман Григорьевич наблюдал за ними. Они подходили и читали надпись: «Семья есть Семь любящих сердец!». Стояли, кто-то долго, в задумчивости, кто помоложе, тот недолго, но Роман Григорьевич знал, что придёт время, и они тоже станут задерживаться подольше.

Через год умерла их мама. Слёз, как ни странно, у братьев не было, но похоронили достойно. Не успели отметить сорок дней, как Роману пришла телеграмма, что его воспитательница Фёкла Ивановна в плохом состоянии, просила его приехать (дело в том, что всё это время Роман поддерживал с ней отношения и даже помогал деньгами).

Он не успел, плакал на могиле в одиночестве, обнимая деревянный крест. Её соседка передала Роману папку от названной мамы. Уже возвращаясь домой, в самолёте он стал внимательно рассматривать содержимое папки. Там были фотографии воспитательницы и Романа, а ещё конверт из тёмной бумаги. Он вскрыл его и увидел несколько писем, написанных старославянским языком, ещё с твёрдыми знаками. И на первом же конверте ему бросился в глаза адрес: Санкт-Петербург, Литейный проспект... В памяти всплыла парижская открытка, а сердце застучало, как при первом свидании с женщиной. Адрес совпал, и фамилия Фёклы оказалась Сазонова.

Роман с письмом и открыткой в руке ходил по комнате и не мог успокоиться: это судьба, но какая, он не мог понять, поэтому решил ехать в Питер и попытаться найти хоть каких-то родственников Фёклы. Анатолий не одобрял порыв брата, но вынужден был отступить под напором его желания. Почти месяц работы в архивах и поисках то одного, то другого родственника привели Романа в квартиру к Вере Николаевне, внучке брата его второй мамы. Вера Николаевна не пустила его даже на порог, разговаривала через цепочку, но когда увидела открытку, то назначила встречу в кафе неподалёку от дома, и через полчаса пришла не одна, с подругой.

Роман ни на секунду не пожалел о своём намерении, как только увидел Веру. Невероятной красоты, статная, лет сорока, с огромными бездонными глазами и пышным бюстом, она могла заинтересовать любого мужчину. Ожидания оказались не напрасными. Два часа беседы, и пазлы сложились, Вера признала правду, которую принёс Роман в её жизнь. Она рассказала, что родителей Фёклы и её саму репрессировали из-за деда-белогвардейца, кстати, похороненного на Русском кладбище во Франции. Родители погибли в тюрьме, а след Фёклы затерялся. Дед Веры же служил у красных, но погиб, поэтому и бабушке повезло – её не тронули. Надо отметить, что Вере понравился Роман, и они провели вместе целую неделю. Их чувства разыгрались

было не на шутку, но Анатолий прервал начавшийся роман, дела требовали возвращения брата.

Нежные письма и телефонные звонки теперь вошли в жизнь Романа. Через четыре месяца они с Верой решили вместе прилететь в Норильск, чтобы отдать дань памяти Фёкле Ивановне. Лето в Заполярье выдалось жарким, градусник зашкаливал за тридцать. Высокие, красивые и счастливые, они стояли возле могилки доброй женщины. Неожиданно Роман присел на колени и протянул Вере красную коробочку с кольцом: «Верочка, будь моей женой!». Вера присела и поцеловала Романа вместо ответа, а огромный букет красных роз, лежавший на могиле, внезапно рассыпался, словно женская душа, упокоившаяся в земле, раздвинула его, чтобы увидеть счастье родных ей людей...